

О.В. Кожевина

Переходная экономика как фактор неравновесия социально-экономических систем

Переходность – это многостороннее и сложное явление, требующее глубокого комплексного изучения. Состояние перехода и связанная с ним коренная трансформация означают широкий комплекс крайне неустойчивых процессов. Поэтому любые переходные явления выводят систему из динамической устойчивости, создавая условия для неравновесного состояния.

Феномен перехода представляется нам следующим образом: по завершении очередного периода истории совсем не обязательна подготовка следующего. Вполне возможна долгая пауза или равномерное нарастание количества и качества перемен без образования структурной целостности в социальном времени. Настоящий период российской истории характеризуется именно как переход, поскольку в обществе продолжает идти активный отказ от многого из прошлого и оживленный поиск образа своего будущего, а также путей движения к нему. Переходный этап между двумя историческими периодами имеет свои временные границы, хотя и четко не определенные. Этот процесс по своему содержанию включает в себя преодоление прошлого, отрицание его элементов, выдвигание новых целей, идеалов и выработку способов продвижения к ним. В процессе перехода можно выделить следующие стадии: *первая* – оценка существующего положения общества как кризисного, после чего возникает потребность в социальной, правовой и экономической диагностике, в новом самоопределении общества (в своей истории и своем будущем); *вторая* – необходимость ликвидационных мероприятий через демонтаж устаревшего и формирование нового общественного строя.

На любом этапе функционирования социально-экономической системы ее объективным свойством является наличие двух специфических характеристик, составляющих дуальность в динамике ее развития. Во-первых, для поддержания целостности и обеспечения уровня простого воспроизводства социально-экономической системы в условиях изменяющейся внешней среды, а также внутрисистемных слу-

чайных и преднамеренных колебаний требуется наличие в ней гомеостатических механизмов, обеспечивающих относительную устойчивость и стабильность экономической динамики и способствующих движению системы к около-равновесному, но не равновесному состоянию. Во-вторых, для функционирования и развития социально-экономической системы необходимы совершенствование, изменение сложившегося порядка и, следовательно, отклонение от относительно равновесного состояния, чтобы на новом качественном уровне приблизиться к условиям более эффективной неравновесной устойчивости.

Россия на рубеже тысячелетий представляла собой уникальную «лабораторию», в рамках которой инициировались, реализовывались и развивались переходные трансформационные процессы и явления. Эти процессы сыграли и продолжают исполнять во многом судьбоносную роль в истории нашего общества, сопровождаясь многочисленными разнонаправленными и неоднозначными последствиями, в том числе и вхождением в полосу системного кризиса. Согласно В.В. Сорокину возникновение всеохватного системного кризиса как раз и свидетельствует о начале переходного процесса [1, с. 123].

Системный кризис является доказательством исчерпания возможностей дальнейшего развития общества. Он является той гранью критического состояния социально-экономической системы, за которой может последовать национальная катастрофа или возрождение этой системы в новом качестве.

Начальные элементы системного кризиса российского общества А.И. Пригожин и Е.В. Красникова видят в Апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. [2, с. 54; 3, с. 7] и объявлении М.С. Горбачевым «перестройки». Единого мнения на эту проблему среди научных кругов нет, и ряд ученых склоняется к моменту распада Советского Союза в 1991 г. и либерализации экономики в 1992 г.

Однако неопровержимым можно считать тот факт, что истоки трансформации централизованной плановой экономики и системного

кризиса можно обнаружить именно в период перестройки (апрель 1985 г. – август 1991 г.), когда были сделаны первые шаги в сторону реальной рыночной экономики. В проведении перестройки отчетливо выделяются два этапа. *Первый (1985–1987 гг.)* был ориентирован на совершенствование существующей системы общественных отношений. Так, на Апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС и на XXVII съезде КПСС было отмечено, что «...недостатком предыдущего этапа экономического развития являются чрезмерная регламентация, мелочная опека органов управления над предприятиями и организациями, гипертрофированное нормотворчество» [4, с. 37]. Главная цель перестройки заключалась в «...обновлении социализма на основе демократизации всей общественной жизни и ускорении социально-экономического развития страны».

Второй этап (1988–1991 гг.) характерен началом развития рыночных отношений и реализацией курса, направленного на проведение радикальной экономической реформы. Демонтаж командно-административной системы управления и внедрение экономических регуляторов воздействия на производственный процесс в условиях сохранения механизма централизованного установления цен вели экономику не к рынку, а к усилению кризисных явлений. К концу 1980-х гг. ситуация настолько осложнилась, что страна вынуждена была перейти к нормированному распределению продуктов: были введены талоны на ряд товаров первой необходимости и усилилась натурализация отношений между экономическими агентами, что проявилось в повсеместном распространении бартерных отношений. В условиях жесткой политики государственных цен ситуация заходила в тупик, производителям продукции было невыгодно реализовывать ее по низким ценам, что еще более увеличивало дефицит товаров и одновременно вело к ухудшению условий воспроизводства. Впервые за весь послевоенный период в 1990 г. произошел спад производства. Нарушались хозяйственные связи между предприятиями и регионами. Росло стремление к децентрализации, к расширению хозяйственной самостоятельности республик и регионов, назревали тенденции к распаду СССР [3, с. 10–11].

О возможности кризиса «советской модели роста» не раз заявляли в конце 70-х – начале 80-х гг. зарубежные ученые. Однако их точки зрения не принимались всерьез и подвергались резкой критике со стороны руководства КПСС. Так, американский «советолог» Р. Кэм-

пбелл писал: «Исключительный рост следует отнести скорее за счет способности советского планирования к мобилизации ресурсов – накоплению капитала, обучению в массовых масштабах, переброске людей из сфер занятости с низкой производительностью (сельское хозяйство) в более производительные (промышленность), чем за счет способности советского планирования использовать ресурсы эффективно и повышать их производительность» [5, с. 107].

Главной чертой несовершенства советской экономики, по мнению А. Бергсона, являлся дисбаланс по следующим трем аспектам: несбалансированность структуры использования конечного общественного продукта; отсутствие равновесия в уровнях развития основных отраслей народного хозяйства; разрыв между темпами роста продукции и движением суммарной «факторной эффективности». Он отмечал: «Если бы пришлось указать на отличительную черту советского роста, то я назвал бы необычайно быстрый рост массы капитала. ...Вторая черта – более быстрый рост капиталовложений по сравнению с общественным продуктом. <...> Это характерная черта, присущая советской модели... Третья черта – поскольку масса капитала растет быстрее, чем валовой национальный продукт, необходимо повышать долю инвестиций в этом продукте, чтобы поддерживать высокий темп роста массы капитала... Мой теоретический вывод: *советская модель, вероятно, не сможет действовать в будущем.* Сомнительно, чтобы даже в самом оптимальном случае правительство смогло бы решить задачи, связанные с потреблением» [6, р. 23].

В большинстве случаев затухание темпов экономического роста СССР «советологи» связывали, с одной стороны, с увеличением расходов на оборонные мероприятия, а, с другой – с действующей системой планового централизованного управления народным хозяйством. Например, Р. Хатчингс писал: «...в СССР ни техника, ни наука, ни экономика не обеспечены достаточно ясными руководящими принципами» [7, с. 89]. Одной из основных бед социалистического общества были игнорирование зарубежного опыта и не востребованность новых знаний, что являлось причиной отставания в фундаментальных науках, областях техники и информационных технологий [8, с. 215].

По мнению Дж. Вольчинского, в СССР «...никогда не испытывали недостатка в блестящих теоретиках, но социалистическая централи-

зованно планируемая экономика оказывается неспособной адаптировать исследования и эффективно превращать их результаты в практические производственные достижения» [9, р. 56].

Показывая отрыв социалистического планирования от научно-технического прогресса, Р. Гароди отмечал: «...НТР требует перехода от «механистической» к «кибернетической» модели управления... Всякий центральный орган (КПСС. – О.К.) должен иметь координирующую, информативную, формирующую, но только не руководящую роль. ...Главное отличие «механистической» модели от «кибернетической» в том, что в первом случае отсутствует регулирующая роль рынка, а во втором – именно он выполняет роль одного из основных регуляторов общественного производства» [10, р. 122].

В 1979 г. в газете «Business week» пророчески было отмечено: «*Восьмидесятые годы, возможно, будут первым десятилетием со времен второй мировой войны, в течение которого Советский Союз не будет иметь роста*» [11, с. 3]. Стимулировать научно-технический прогресс и эффективность производства возможно, встав на путь децентрализации хозяйственного управления и поощрения индивидуализма и творческого начала [12, с. 72].

Подводя итог, А. Тоффлер заявлял: «Вся социально-экономическая система социализма в СССР явилась порождением необходимости преодоления исторического отставания России от Запада» [13, с. 40], т.е. перехода от «социалистической» модели хозяйствования к «рыночной».

И этот переход произошел, однако его изначально необходимо было тщательно продумать и адаптировать к условиям существовавшего строя, чтобы смягчить последствия неизбежного кризиса. Общеизвестная причина системного кризиса переходности в том, что в попытке перейти от планово-распределительной административно-командной экономики к частной собственности со свободными рыночными отношениями реформаторами, к сожалению, не были учтены, с одной стороны, веками сложившийся менталитет русского народа с присущим ему духом коллективизма, а с другой – капиталистические механизмы регулирования экономики. Как справедливо отметил Дж. Сорос, «Россия бросилась из одной крайности – жесткого закрытого общества в другую крайность – общество, не подчиняющееся законам капитализма. Самая всепроникающая и закрытая социальная система из когда-либо существовавших в мире распалась, и

никакая другая система не заняла ее место» [14, с. 167].

Специфика переходной экономики состоит в том, что если циклическая динамика смены равновесных и неравновесных состояний, основанная на эндогенных факторах, объективно присуща социально-экономической системе, то трансформационный переход носит во многом внешний, экзогенный характер с ориентацией на резкое преобразование системы и формирование нового, более эффективного механизма функционирования и развития. Неустойчивость экономической динамики при совмещении циклического и трансформационного неравновесия более глубинна и сложна в преодолении. При переходе от централизованной экономики приходится иметь дело с неравновесием другого, более высокого, порядка в сравнении с экономикой рыночного типа. Такое состояние неравновесия главным образом обусловлено набором противоречий, затрагивающих все сферы функционирования социально-экономической системы: а) между объективными закономерностями и тенденциями развития общества, с одной стороны, и субъективными и ложными решениями, с другой; б) между целями и средствами их достижения; в) между стратегией и тактикой. Переходная экономика представляет собой качественно новое состояние социально-экономической сферы общества, которая по своим параметрам отличается от предыдущего, но это еще и не новое системное образование, достижение свойств и характеристик которого является целью развития трансформационных процессов.

Ранее считалось, что экономика России (и, соответственно, экономика СССР) развивалась безкризисно и нециклично. Если провести некоторый экскурс в историю, то будет понятно, что данное заключение не совсем верно. Специфические факторы неравновесия в советский период лежали прежде всего в сфере применения «закона преимущественного роста I-го подразделения» (производственной сферы) и состояли в форсировании высоких темпов роста этого подразделения за счет других сфер народного хозяйства. В настоящее время факторы неравновесия идут от развала единого народно-хозяйственного комплекса (территория и потенциал СССР плюс стран-членов СЭВ), от смены строя, массовой приватизации, слома планирования и от нерешаемости грандиозной задачи по структурной перестройке экономики.

Вселяет надежду то, что переходный период – явление временное. Как отмечал В.Г. Афанасьев, «...любая система имеет начало и ко-

нец, обладает своим историческим временем» [15, с. 185]. Однако обольщаться не стоит, так как переход может затянуться на длительное время.

Следовательно, переходная экономика – это особое состояние эволюции социально-экономической системы, когда она функционирует в период перехода общества от одной исторической ступени к другой. Переходному периоду свойственны свои закономерности, тен-

денции, характерные взаимосвязи старого и нового, чередование этапов подъемов и спадов проводимых преобразований. Все переходные процессы осуществляются кардинальным изменением сложившихся устоев и мировоззрений. Спецификой этих процессов является то, что они выводят систему, подвергающуюся трансформации, из относительно устойчивого состояния и вводят ее в комплексную нестабильность, т.е. системный кризис.

Литература

1. Сорокин В.В. Государство переходного периода: теоретические вопросы. Барнаул, 2000.
2. Пригожин А.И. Перестройка: переходные процессы и механизмы. М., 1990.
3. Теория переходной экономики. Т. 2: Макроэкономика / Под ред. Е.В. Красниковой. М., 1998.
4. Венгеров А.Б. Синергетика, юридические науки, право // Советское государство и право. 1986. №10.
5. Campbell R.W. Soviet-type Economics, Performance and Evolution. Boston, 1974.
6. Bergson A. Soviet economic prospects: concluding observations. Prospects for Soviet economic growth in the 1970-s. Main findings of Simposium held 14–16-th April 1971 in Brussel. Ottuck, 1971.
7. Hatching R. Soviet Science, Technology, Desidn. Interaction and Convergence. Oxford, 1976.
8. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994.
9. Wilczynski G. Towards Greater Effectiveness of Research and Development under Socialist Economic Planning. Australia Economic Papers. – Adelaida, 1974. Vol. 13. №22.
10. Garaudy R. Teute le verite. Raris, 1971.
11. Business week. 1979. 25 June.
12. Экономический строй социализма. Т. 1 / Под ред. Е.И. Капустина. М., 1984.
13. Toffler A. The third wave. N.Y., 1980.
14. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999.
15. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М., 1980.